

УДК 94(47).084.6

Л. И. Бородин

МЕХАНИЗМЫ «ПЕРЕКОВКИ»:  
О МЕРАХ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА  
В РАННЕМ ГУЛАГе

*Человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл. <...> Приемы, успехи и культурно-политический смысл работы ГПУ должны быть широко известны гражданам Союза советов.*

М. Горький [Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина, с. 609, 610].

В статье рассматривается вопрос о «перековке» заключенных ГУЛАГа на начальной фазе процесса формирования системы организации принудительного труда миллионов людей в годы первых пятилеток в условиях практически неограниченного принуждения, характерных для ГУЛАГа. В каком направлении эволюционировала в течение первого десятилетия своего существования лагерная система «трудового воспитания», «перековки», могла ли она обойтись без введения стимулов (моральных и материальных), повышающих производительность труда заключенных? Насколько эффективными были эти стимулы, решалась ли в лагерной системе задача формирования «энтузиастов государственно-необходимого труда» (М. Горький)? На эти вопросы автор пытается ответить в данной работе.

Ключевые слова: «перековка», «трудовое воспитание», принудительный труд, ГУЛАГ, стимулирование принудительного труда, Беломорско-Балтийский канал.

Вступительная статья М. Горького в коллективной книге 36-ти советских писателей о строительстве Беломорско-Балтийского канала заключенными ГУЛАГа (издана в 1934 г.) характеризует это строительство как «отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда» [Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина, с. 12]. Тема *государственно-необходимого* (т. е. принудительного) труда в ГУЛАГе в сочетании с «перековкой», конструированием в лагерной системе «нового человека», отдающего все силы на «великих стройках коммунизма», может изучаться сегодня на базе

архивных материалов Государственного архива РФ (ГА РФ) и ряда региональных архивов. В первой части статьи мы рассмотрим на примере Белбалтлага (одного из первых лагерей ГУЛАГа), как формировалась концепция создания «нового человека» социалистического общества из заключенных, прошедших «перековку». Во второй части обратимся к реализации этой концепции в лагерях в годы первых пятилеток.

Термин «перековка» возник именно во время строительства Беломорско-Балтийского канала (1931–1933 гг.). Поездка по каналу на пароходе 36-ти писателей завершилась выходом книги, в которой авторы раскрыли содержание процесса перековки заключенных (заметим, что в 1937 г. ввиду ареста ряда авторов практически весь тираж – более 100 тыс. экземпляров – был изъят из обращения и уничтожен). По выходу книги в свет она получила большой резонанс в советских газетах.

«Перековка» – именно так называлась газета, выпускавшаяся в Белбалтлаге и содержавшая много заметок заключенных-соброров; материалы «Перековки» активно использовались писателями-авторами. В аннотации к книге указано, что она содержит яркие примеры исправительно-трудовой политики советской власти, «перековывающей тысячи социально-опасных людей в сознательных строителей социализма».

В первой главе книги М. Горький оценивает принятую ГПУ исправительно-трудовую политику, сведенную в Белбалтлаге «в систему воспитания проповедью единой, для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом», как блестяще оправдавшую себя систему «перековки» людей, впервые примененную «так смело, в таком широком объеме». В этой связи Горький пишет о сотнях «социальнобольных и “опасных”», которые записывались в бригады ударников, становились «каналоармейцами, лично и сознательно заинтересованными в успехе дела».

Авторы второй главы книги так же уверены в достижимости целей перековки, они пишут о том, что истреблять следует «только самых упорных и несгибаемых врагов», а уличенных в сопротивлении «людей старого мира мы стараемся переделывать». В главе 4 авторы описывают конкретные трудовые ситуации на строительстве канала, «с воспитателями для уголовных; с ударными бригадами нацменов... с котлованами, где работают день и ночь... с агитбригадами; ночными штурмами и чекистами, объясняющими, воспитывающими и появляющимися во всех концах трассы».

В главе 8 подчеркивается та роль, которая отводится в конструировании «нового человека» дисциплине: «Морально и политически развинченных людей надо было, прежде всего, ввести в четкое русло труда, дисциплины, ответственности, – без этого нет перековки». В главе 9 акцент сделан на другом элементе перековки – учете

и контроле, системе постоянного контроля, «необходимейшем звене всей стройки, ее глазах, ее ушах». Авторы пишут, что новая система выработала и новых людей: «Это уже не были геморроидальные пересоны с грессбухом и счетами подмышкой. Это были бухгалтеры-производственники, счетоводы-ревизоры», которые на основе своих цифр разыскивали «болячки стройки», вскрывали самые запутанные причины неудач, воплощая лозунг о проверке рублем. Авторы называют их «математиками воспитательной работы» – ведь именно через них проходили все данные «о лучших рабочих и о лодырях», они являлись «барометром перековки», потому что именно труд, который они учитывали, был «показателем перевоспитания людей».

В заключительной главе книги Горький пишет, что «человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл». И материал книги, как отмечает Горький, показывает, как «лечили и вылечили социальноболевых; как врагов пролетариата перевоспитали в сотрудников и соратников его» [Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина, с. 609].

Книга включает 15 глав, написанных разными авторскими составами, но общим для всех глав является пафосный стиль, восхищение результатами «перековки» десятков тысяч «каналоармейцев» и эффективность их энтузиастского труда.

Однако реалии принудительного труда в раннем ГУЛАГе были далеки от картины, созданной авторами книги «Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства». Объем данной статьи позволяет охарактеризовать эти реалии в очень кратком формате.

\* \* \*

С начала 1930-х гг. сфера труда в советской экономике начинает испытывать кардинальные изменения, характеризующиеся сочетанием методов материального стимулирования, морально-политической мотивации, принуждения и насилия. В работах ряда историков, опубликованных в последние два десятилетия, обосновывается тезис о том, что масштабное применение «обычного» принуждения и насилия в различных отраслях советской экономики 1930-х гг. было недостаточным и не позволяло решать многие задачи форсированной индустриализации, что привело к созданию целого сектора «лагерной экономики». ГУЛАГ обязан был решать и задачу экономии средств на содержание заключенных – лагерная система существовала в условиях самокупаемости.

Уже в 30-х гг. ядром экономики ГУЛАГа стали крупные стройки, горнодобывающие комплексы и лесная промышленность, требовав-

шие массового применения неквалифицированного физического труда в экстремальных (нередко) климатических условиях.

Тема *государственно-необходимого* (т. е. принудительного) труда в ГУЛАГе изучается сегодня с использованием различных источников, но наиболее информативными являются архивные материалы, которые позволяют охарактеризовать эволюцию изменявшейся на протяжении 1930–1950-х гг. системы регулирования принудительного труда в ГУЛАГе. В данной работе в основном используются архивные материалы Государственного архива РФ (ГА РФ). В центре нашего внимания – вопрос о начальной фазе процесса формирования системы организации труда миллионов заключенных в условиях практически неограниченного принуждения, характерных для ГУЛАГа. В каком направлении эволюционировала в течение первого десятилетия лагерная система «трудового воспитания», могла ли она обойтись без введения стимулов, повышающих производительность труда заключенных? Эти вопросы остаются до сих пор малоисследованными.

7 апреля 1930 г., практически одновременно с созданием Управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (с октября 1930 г. – ГУЛАГ) вышло Постановление СНК СССР «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях» [ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 54, л. 52–66], в котором, в частности, просматривалось понимание того, что на одном принуждении далеко не уедешь. Так, в ст. 23 говорилось, что к заключенным, которые «проявят усердным отношением к труду и хорошим поведением признаки исправления», применяются следующие меры поощрения: выдача премиального вознаграждения; улучшение жилищных и бытовых условий (предоставление личного свидания, свободных прогулок, права получения и отправления корреспонденции вне нормы и очереди и т. д.). При этом, однако, ст. 24 оговаривала, что премироваться могут только те заключенные, которые не были осуждены за «контрреволюционные преступления». Премирование могло заключаться (ст. 25) и в выдаче усиленного продовольственного пайка, в представлении заключенного аттестационной комиссией к досрочному освобождению с поселением или без поселения.

Актуальность стимулирования труда заключенных определялась не только необходимостью повысить его производительность, но и проблемами финансирования лагерей. Так, в письме зам. председателя ОГПУ Ягоды председателю Совнаркома Молотову от 28 февраля 1933 г. о задолженности наркоматов, использующих лагерную рабочую силу, отмечается, что «все лагеря ОГПУ находятся на полной самокупаемости и все расходы производят из собственных средств». Подчеркивая, что финансовое положение лагерей в 1933 г. будет чрез-

вычайно напряженным, так как «лагеря ОГПУ должны освоить новое пополнение заключенных в 200 000 человек», Ягода просит удерживать задолженность наркоматов лагерям из ассигнований по госбюджету [ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 14а, д. 460, л. 8].

Архивы ГУЛАГа содержат свидетельства использования методов материального стимулирования труда заключенных уже в самом начале 1930-х гг. Так, приказ по Главному Управлению Лагерями ОГПУ от 25 сентября 1931 г., подписанный начальником ГУЛАГа Коганом, гласил [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2, л. 31 об.]:

«Учитывая ударность работ по линии Кунгур–Свердловск проводимой Управлением Кунгурских Лагерея и необходимость закончить таковые к 15 ноября, приказываю:

- 1) увеличить выплату премиальных ударникам из з/к на 100 %
- 2) усилить ассортимент ларьков представляя возможности 100 % реализации премиальных
- 3) выделить премиальный фонд в размере 10 000 р.
- 4) предоставить по окончании работ 10-дневный отдых всем заключенным работавшим на ударной работе»

С первых лет существования ГУЛАГа в целях повышения производительности труда заключенных практиковались как привычные стимулы, апробированные в промышленности СССР, так и специфические стимулы лагерной системы. Так, еще в 1932 г. для «особо отличившихся ударников из заключенных – строителей Беломорско-Балтийского Водного пути» был введен специальный Жетон Строителя Белморстроя [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 3, л. 12]. Награжденный жетоном, в каком бы лагере он в дальнейшем ни содержался, имел право на целый ряд льгот, облегчавших жизнь «в зоне».

Вполне в духе известных методов стимулирования авральных работ в годы первых пятилеток звучит и приказ начальника ГУЛАГа ОГПУ по Белбалткомбинату от 23 января 1934 г., предоставлявший льготы ударникам сплава Белбалткомбината, чьи усилия позволили избежать аварийной производственной ситуации. В приказе отмечается, что «благодаря напряжению воли и энергии ударников [заключенных], под непосредственным наблюдением и руководством мобилизованного чекистского состава и адмтехперсонала ББК <...> аварийный сплав был в основном закончен». В ознаменование этого достижения, говорится в приказе, объявляется благодарность «все-му чекистскому составу, адмтехперсоналу и наиболее отличившимся на этой грандиозной и трудной работе ударникам [заключенным]». При этом руководству ББК предлагается составить список 500 «наилучших ударников, способствовавших завершению сплава», для

их поощрения. Отдельный пункт приказа содержал распоряжение о выделении 30 000 рублей для премирования отличившихся ударников-заключенных [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 5, л. 53, 54].

Под лозунгами «ударного труда» местная администрация лагерей нередко нарушала установленные инструкциями ГУЛАГа нормы санитарно-бытового состояния лагерей, режима труда заключенных, включая количество рабочих дней и пределы длительности рабочего дня. Так, в приказе начальника ГУЛАГа Бермана от 9 февраля 1933 г. отмечается, что «наиболее нетерпимым является производство работ в выходные дни под видом субботников, ударников (так в документе. – Л. Б.), штурмов и т. п.». Начальника ГУЛАГа эти факты беспокоили в связи с тем, что «такие добавочные дни, изматывая людей, вместе с тем в конечном счете вредны и для производства, понижая производительность труда» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 4, л. 7].

Документация ГУЛАГа первой половины 1930-х гг. содержит много сведений о неэффективной организации труда заключенных, слабом воздействии существовавших методов стимулирования. Так, в приказе по ГУЛАГу от 7 июня 1933 г. строгий выговор объявлялся начальнику снабжения Бамлага за невыполнение распоряжений ГУЛАГа о введении дифференцированных проднорм, что привело к «срыву правильного питания» и «смазыванию стимула к поднятию производительности труда» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 4, л. 5].

Однако наиболее ощутимым стимулом для заключенных ГУЛАГа в 1930-х гг. были *зачеты* рабочих дней, позволявшие сократить срок заключения при перевыполнении плановых заданий (один рабочий день засчитывался за полтора-два, в зависимости от процента перевыполнения норм). В документации ГУЛАГа 1930-х гг. содержится немало высоких оценок системы зачетов. Вот одно из них, датированное 1933 г. (оно принадлежит начальнику Темлага Тизенбергу): «...зачет рабочих дней надо рассматривать как серьезную политическую задачу, являющуюся важнейшим звеном в системе исправительно-трудовой политики лагерей ОГПУ; как сильнейший импульс для успешной *перековки* лагерника и наконец, как мощное орудие повышения и улучшения производительности труда» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 4, л. 87]. Вместе с тем, в этом же документе – приказе № 368 по Темниковскому ИТЛ – отмечается, что зачеты рабочих дней заключенным сопровождаются «безобразнейшим оформлением учетных карт всеми без исключения работниками, имеющими прямое отношение к аттестованию заключенных».

Документация ГУЛАГа содержит свидетельства того, что в 1930-х гг. система зачетов рабочих дней совершенствовалась. Можно предположить, однако, что судьба этого стимула оказалась предре-

шенной после выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР, посвященном вопросу «О досрочном освобождении заключенных» 25 августа 1938 г., в котором был следующий фрагмент:

СТАЛИН И. В. «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? <...> Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. <...> Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости – может быть, так сказать? – чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, – добровольно-принудительный заем, так и здесь – добровольно-принудительное оставление» [ГА РФ, ф. 7523, оп. 67, д. 1, л. 5].

В этом контексте вряд ли можно считать случайным письмо в секретариат Президиума Верховного Совета СССР, посланное по распоряжению зам. наркома внутренних дел Г. В. Филаретова 22 ноября 1938 г., в котором прилагался проект указа («приказа», как сказано в письме) «О дополнительных льготах для заключенных досрочно освобождаемых за ударную работу на строительстве 2-х путей «Карымская–Хабаровск»» [ГА РФ, ф. 9414, оп. 1, д. 19, л. 169–172]. В соответствии с этим указом 8 900 заключенных, отличившихся ударной работой на строительстве двух путей «Карымская–Хабаровск», освобождались из лагеря с переводом их на свободное проживание в районе строительства Байкало-Амурской магистрали до конца оставшегося срока наказания. Им выплачивалась зарплата как вольнонаемным рабочим, разрешалось совместное проживание с семьями, изъявившими желание переехать на постоянное жительство в район строительства Байкало-Амурской магистрали (при этом расходы, связанные с переездом, питанием в пути и перевозкой имущества этих семейств относились за счет государства). Сельхозбанк предоставлял переведенным на свободное проживание с семьями кредит на строительство жилых домов сроком на 10 лет, им отводились необходимые земельные участки. Очевидно, целью предоставляемых льгот было закрепление кадров на строительстве приоритетной железной дороги в трудных условиях, причем кадров, зарекомендовавших себя ударной работой на объекте такого же профиля.

Существенно изменил структуру стимулирования труда заключенных указ Президиума Верховного Совета СССР № 34 от 15 июня

1939 г., отменявший условно-досрочные освобождения для осужденных (зачеты), отбывавших наказание в ИТЛ НКВД СССР [ГУЛАГ, с. 116]. В качестве основных стимулов для повышения производительности труда в лагерях теперь фиксировались: «улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения» [ГУЛАГ, с. 116].

Тем же летом, 2 августа 1939 г., приказом по ГУЛАГу № 00889 вводилась в действие «Временная инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» [ГУЛАГ, с. 456–473]. Инструкция, регулировавшая жизнь заключенных ГУЛАГа несколько лет, содержала раздел «Меры взыскания и поощрения» (пункты 104–112 и 113–117 соответственно). Так, в п. 113 говорилось о материальных мерах поощрения, включая выдачу премий. Ряд специальных, дополнительных льгот устанавливался для заключенных, работавших «стахановскими методами труда». Меры взыскания включали и такие жесткие пункты, как перевод на штрафной режим и даже уголовную ответственность за отказ выхода на работу.

Изменения в структуре стимулирования труда заключенных, введенные в 1939 г., не способствовали росту заинтересованности «лагерной рабочей силы» в результатах своего труда. Как следует из архивных материалов, производительность принудительного труда оставляла желать лучшего. В заключении Госбанка по отчету ГУЛАГа за 1939 г. содержится обоснованная оценка эффективности использования основных фондов: выполнение строительно-монтажных работ на один рубль стоимости основных фондов на стройках ГУЛАГа было почти в четыре раза хуже, чем на стройках Наркомата по строительству СССР. При этом строительные механизмы использовались в три раза хуже [Хлевнюк, с. 85].

Как отмечал в сентябре 1939 г. зам. наркома внутренних дел СССР Чернышев, результаты хозяйственной деятельности большинства исправительно-трудовых лагерей в 1938 г. и за 8 месяцев 1939 г. «продолжают оставаться неудовлетворительными» [РГАЭ, ф. 7733, оп. 36, д. 29, л. 30]. Связывая эти результаты с плохой организацией труда заключенных, Чернышев в своем приказе № 345 по ГУЛАГу обращает внимание на то, что администрация лагерей, стремясь выполнить плановые задания, решает эту задачу «механически», заставляя заключенных работать по 14–16 часов, «до выполнения последними заданных норм выработки и, кроме того, организуют работу в выходные дни». Такая практика, отмечает зам. наркома, приводит «к истощению лагерников, к росту заболеваемости и в конечном счете – к невыполнению плановых

норм» [РГАЭ, ф. 7733, оп. 36, д. 29, л. 30]. И далее: «Нужно так умело организовать труд з/к, чтобы при 8 час. рабочем дне работающий з/к давал обязательно, как минимум 100 % общесоюзных норм и выше» [Там же]. Очевидно, достижение такой цели на основе исключительно принудительных мер было вряд ли реальным. Рассматриваемый документ вводит целый ряд льгот, предоставляемых по представлению десятника заключенным, работающим стахановскими методами, и отличникам производства (включая «вещевое довольствие первой носки» и «благоустроенные бараки, оборудованные кроватями»).

Так вкратце можно описать основные «вехи» непоследовательной тактики руководства ОГПУ–НКВД в целях выработки мер стимулирования труда заключенных ГУЛАГа в годы первых пятилеток.

\* \* \*

Архивы ГУЛАГа содержат мало свидетельств энтузиазма заключенных, воспетого в памятной книге о строительстве Беломорско-Балтийского Канала имени Сталина, перековки «социальнобольных врагов пролетариата». Предпринимавшиеся в 1930-х гг. меры по стимулированию принудительного труда не приносили ожидаемого эффекта.

Уже в первые послевоенные годы как руководство МВД СССР, так и высшее лагерное начальство стали испытывать тревогу в связи с возраставшими трудностями в выполнении плановых производственных заданий. В начале 1950-х гг. были приняты решения, существенно изменившие стимулирование принудительного труда на основе введения системы зарплаты заключенных. Но и эти меры не смогли существенно поднять низкий уровень эффективности лагерного труда и рентабельности лагерной экономики, которая стала сжиматься после 1953 г., закончив свое существование к 1960 г.

---

Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина (переиздание). М., 1998.

ГА РФ. Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР. 1922–1991); Ф. Р-9414 (Главное управление мест заключения НКВД–МВД СССР); Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР).

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002.

РГАЭ. Ф. 7733 (Министерство финансов СССР).

Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштаб, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 67–89.